

СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

**Бульварные
новости**

№28 (318)
ИЮЛЬ 2026

ГЛАВНАЯ ФЕМИНИСТКА

Вопреки стереотипам, женщинам, которые называют себя феминистками, вовсе не чужды простые человеческие радости. Потому что борются они вовсе не против мужчин, а за права женщин. Яркий тому пример — Мария Арбатова. Она прославилась еще в 1990-х как одна из самых известных и деятельных активисток феминистского движения.

Это никогда не мешало Марии Ивановне устраивать свою личную жизнь. Сейчас она состоит уже в третьем счастливом браке, ее нынешний муж — самый настоящий заморский принц.

Мария Ивановна Арбатова успевает совмещать амплуа прозаика, драматурга, политической и общественной деятельницы, теле— и радиоведущей. По ее признанию, у нее настолько катастрофически не хватает времени, что даже курить пришлось бросить.

Сегодня многие ее знают как самую популярную феминистку России, которая яростно отстаивает права прекрасной половины человечества.

Геннадий Норд

Она появилась на свет в славном городе Муроме. С семи лет вместе с родителями жила в Москве. Она всегда и во всем демонстрировала собственное мнение и соглашалась признать свою неправоту только в том случае, если ей приводили фактические доказательства с аргументами.

Отец ее Иван Гаврилин преподавал марксистскую философию в военных вузах.

Мама Цивья Айзенштадт была микробиологом, а впоследствии, увлекшись нетрадиционными методами лечения, стала рэйки-терапевтом. Она обожала дочь, но при этом слишком опекала ее.

Мария же отличалась свободолобным характером, и чрезмерная забота ее отчаянно напрягала. В годовалом возрасте девочка заболела полиомиелитом и следующие четыре года провела, по ее собственным словам, в спасительных больницах и санаториях. Спасали лечебные учреждения ее как раз от излишней заботы мамы. Да еще отец не позволял очень уж давить на дочь.

Когда Марии было десять, Иван Гаврилович скоропостижно скончался от инфаркта, а мама и брат Сергей, который был старше Марии всего на четыре года, стали во всем контролировать девочку. У нее и так был не слишком простой характер, а в противостоянии с родными он действительно закалялся, как сталь. Чем больше ее контролировали и воспитывали, тем сильнее проявлялось ее желание сделать всё наоборот. А два года, проведенные в специнтернате, оставившем у Марии Гаврилиной самые неприятные воспоминания, окончательно уверили ее в том, что она должна во всем полагаться только на себя.

Она была активной участницей движения хиппи, отказалась вступать в ряды ВЛКСМ и мечтала стать журналистом, который будет честно и непредвзято освещать события, происходящие в стране вообще и в молодежной среде в частности. Мария усердно занималась в Школе юного журналиста при МГУ, но после ее окончания поступила не на журфак, как можно было бы предположить, а на философский факультет. Впрочем, продержалась здесь она недолго.

По словам Марии, ее не устроило царившее там сильнейшее идеологическое давление. Зато она тут же стала студенткой отделения драматургии Литературного института, тем более, что к писательству она всегда тяготела.

Параллельно с учебой в институте Мария Гаврилина частным образом познавала тонкости психоаналитического консультирования.

От опеки матери и брата ей удалось избавиться, лишь переехав от них в собственную квартиру на Арбате. Точнее, это родственники приняли решение не терзать себя воспитанием Марии с ее упрямым, а скорее даже несносным характером. Они прописали ее в квартире деда на Арбате, фактически, предоставив жилье в ее безраздельное пользование. Здесь собирались многочисленные друзья и единомыш-

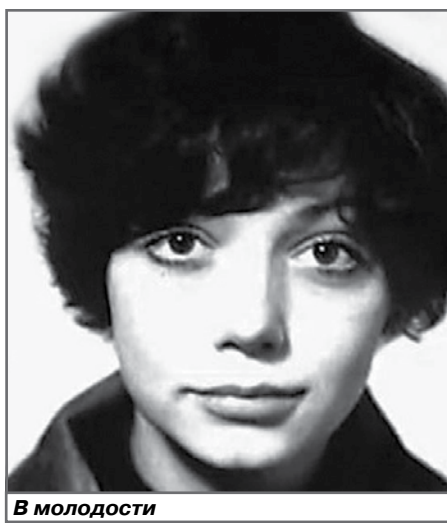
С родителями и старшим братом

В детстве

17-летняя

В молодости

вместе 17 лет, но в последние годы сосуществование в одном пространстве стало просто невыносимым.

По словам писательницы, ее супруг не смог пережить развал Советского Союза, во времена которого он был довольно известным и востребованным оперным певцом. В результате сам он стал, по сути, не опорой в семье, а третьим ребенком. На воспитание его у Марии, по ее словам, не было ни сил, ни желания, ни времени.

Они и раньше не слишком часто виделись, так как муж пропадал на репетициях и гастролях, а в 1990-е их семья, фактически, перестала существовать. Взаимные измены и обиды не оставили этому браку ни единого шанса на спасение. Они так громко и эмоционально ссорились, закатывали друг другу истерики и театрально заламывали руки, что позже Арбатова называет этот брак итальянским, подразумевая бушевавшие страсти. В результате супруги развелись, но врагами, к счастью, не стали.

Вскоре после развода Мария Арбатова стала настоящей звездой. Ее пригласили на телевидение вести программу «Я сама», а зрители в полной мере смогли оценить и смелость суждений ведущей, и ее весьма необычный внешний вид, и острый язык. Она тут же снискала славу главной феминистки страны и стала одной из самых узнаваемых медийных личностей.

В одиночестве она тоже долго не скучала.

В тот день, когда Мария Арбатова должна была оформлять развод с мужем, в центре Москвы вовсю бушевали известные события 1993 года. Танки, стрельба и всеобщая паника заставили ее свернуть с маршрута и забежать в редакцию «Общей газеты», где работала. В кабинете главного редактора Егора Яковлева было множество людей, но Мария Арбатова вдруг в этой толпе увидела «профиль мужчины своей мечты», как позже она напишет в мемуарах. Она тут же решила непременно выйти за него за-

С Александром Мирошником и сыновьями

муж, правда, вспомнила о своем решении она много позже.

Он сам зашел к ней в кабинет, и Мария оказалась тут же втянута в политическую дискуссию. Она узнала о том, что его жена — феминистка, а потом, выйдя на улицу вместе с Олегом Вите (а это был именно он, известный политический эксперт) была осведомлена о том, что брак у него четвертый и каждая его жена старалась его переделывать.

Роман был стремительным. Вскоре они оба обнаружили множество общих интересов, поняли, что жить не могут друг без друга, и решились вступить в брак. Олег Вите — в пятый, Мария Арбатова — во второй.

На протяжении восьми лет они были счастливы, Олег Вите нашел общий язык с сыновьями жены, да и она поладила с его сыном. Но в какой-то момент главная феминистка страны решила баллотироваться в Государственную думу, и это стало началом конца ее второго брака. Они с мужем были очень похожи, но не смогли прийти к общему знаменателю в вопросах, протекающих в стране процессов.

Разные взгляды и нежелание искать компромиссы привели к тому, что Олег Вите не захотел поддерживать жену в ее политических амбициях, а разногласия сделали невозможными совместную жизнь. Удивительно, но дружеские отношения бывшие супруги сохранили до конца дней Олега Вите.

Фокусироваться на неудачах в личной жизни Мария Арбатова не привыкла, напротив, она точно знала: за расставанием будет встреча. И она состоялась, прямо в студии передачи, которую она вела. Это был самый настоящий бенгальский принц, а по совместительству — племянник лидера компартии Индии.

В тот день они говорили об индийской демократии, и принц Шумит произвел на Марию самое положительное впечатление. Он был красив, образован, умен, прекрасно владел русским языком, потому что жил в Москве с середины 1980-х, а еще он оказался очень обаятельным человеком.

Телеведущая, в свою очередь, не оставила принца равнодушным. Ему в ней импонировало очень многое: и внешность, и прекрасная речь, и необычный взгляд на привычные вещи.

В общем, приглашение на свидание последовало сразу после того, как в студии выключили софиты. Роман был стремительным и бурным. Влюбленных не смущала десятилетняя разница в возрасте (Шумит Датта Гупта младше), разность менталитетов и сред воспитания.

Они оказались очень разными, но при этом у них удивительным образом сошлись взгляды на жизнь, представления о семье и желание обрести, наконец, уютный тихий дом, где царят любовь и взаимопонимание.

Супруги счастливы вместе вот уже больше 20 лет и, кажется, за это время полно-

В ЗАГСе со вторым мужем Олегом Вите

С сыновьями Петром и Павлом

стью убедились в правильности сделанного когда-то выбора.

внутреннее право с молодых ногтей отстаивать свой взгляд на мир.

— Судя по твоей биографии, ты уже с детства была отъявленной бунтаркой. Откуда такая тяга к приключениям?

— Бунтарский дух и любовь к приключениям питаются из разных источников. Мне повезло: я с детства видела, что бывает два взгляда на одну и ту же реальность. Мой русский отец был истинным коммунистом и преподавал марксистскую философию, а мой еврейский дед был ярким антисоветчиком, которого не выпустили в свое время в Израиль. Встречаясь за столом, они умели спорить, уважая друг друга. Это дало мне

— В какой момент ты заинтересовалась феминистским движением?

— В 1990-х Зоя Богуславская, прочитав мои пьесы, пригласила меня на съезд писательниц-феминисток. До этого я, безусловно, тоже была феминисткой, просто не знала про это, так как наши СМИ рисовали жутковатый образ, связанный с этим понятием. Но, познакомившись с потрясающими писательницами и обществен-

Окончание на с. 16

С третьим мужем Шумитом Датта Гупта

Во время путешествия

С Аллой Харитоновой

С Геннадием Нордом

Окончание. Начало на с. 15

ными деятельницами из западных стран, я твердо поняла, что моя дорога лежит именно в этом направлении.

— Ты называешь себя одной из активисток московского движения хиппи. Чем запомнилось тебе то время?

— Я никогда не называла себя активисткой, я была скромным и совсем юным членом сообщества, которое называлось «системой», не имело четких границ и означало только определенный внешний вид, определенную протестную позицию и определенный круг общения. Когда я познакомилась с этими людьми, мне было 15 лет, я была скорее «дочерью полка», чем активисткой. В 17 лет я уже устроила в двух своих арбатских комнатах «Салон Маши с Арбата».

Со временем хипповская кликуха превратилась в псевдоним. Активистов, как таковых, в системе не было. Был лидер — Юра Солнышко. Были приближенные к нему центровые персонажи, были регионалы, мечтавшие хоть одним глазком взглянуть на Солнышко и постоять с ним рядом. По сути, это был загон для протестной молодежи, чтобы она была на виду.

— Как отнеслись к твоим увлечениям родители? Какие у вас были отношения?

— Мой отец умер, когда я училась в пятом классе. Мама была давящей и гиперопекающей «аидише мамой», во многом бунт относился к ней. Она видела меня в другом амплуа. Как говорится, «еврейская мама свою жизнь прожила и твою проживет». Конечно, я частично унаследовала эти навыки, и всё время бяю себя по рукам, пытаюсь не опекать чрезмерно своих взрослых сыновей. Зато сейчас мама сама считает меня «тираном»: я заставляю ее правильно питаться, делать гимнастику, ежедневно ходить на прогулку, не сутулиться. Ей 89 лет, ее недавно блестяще прооперировали.

С кошкой Кашей

ли. Так что держать ее в хорошей форме — огромная работа и для медицины, и для всей семьи.

— Насколько я знаю, у тебя очень интересные еврейские корни. Твой прадедушка по материнской линии был известным сионистом. Как это отразилось на твоей семье?

— Мои предки Айзенштадты — известные люди своего времени. Прадед, Иосиф Айзенштадт, был купцом 2-й гильдии, общественным деятелем, публицистом и писателем. Он владел типографией-литографией в городе Борисове, руководил местным объединением «Хиббат Цион» и печатал сионистскую литературу. Потом переехал в Москву, купил жилье на Арбате и руководил социал-сионистскими кружками, один из которых посещал первый президент Израиля. Он написал на идише много рассказов, но мне всё никак не удается найти хорошего переводчика, чтобы

издать сборник, хотя эксперты из Еврейского конгресса утверждают, что это проза уровня Шолом-Алейхема. В 1884 году он стал участником Смилезского съезда, создавшего объединение «Хиббат Цион».

Его старший сын, Самуил Айзенштадт, участвовал в революции 1905 года, арестовывался за революционные стихи и распространение нелегальной литературы. В 1910 году он закончил факультет юриспруденции в Берне, в 1912 году стал лидером объединения молодых ивритских писателей «Шахарит», издавал одноименный журнал, в 1913 году основал рабочее объединение «Молодежь Сиона». В 1916 году в московской библиотеке Румянцевского музея, нынешней Ленинке, создал и восемь лет возглавлял отдел восточной литературы, собрав в нем более 50 тысяч томов. В 1925 году уехал с семьей в Палестину. После создания Государства Израиль Самуил Айзенштадт был членом Комитета по защите прав арабского меньшинства, профессором Тель-Авивского университета, заведовал Центральной канцелярией Совета по языку иврит и руководил Архивом труда при Всеобщей федерации трудящихся. По спискам Коммунистической партии Израиля баллотировался на пост президента Израиля после смерти Хаима Вейцмана, воспитанного его отцом. «Путешествие из Петербурга в Москву» Александра Радищева до сих пор издается в Израиле в его переводе и с его предисловием.

Второй брат деда, Исаак Айзенштадт, закончил философский факультет Бернской университетской школы, в Париже и Тулузе закончил электротехнический и математический факультеты. Участвовал в одном из первых полетов на самолете изобретателя Блерио. Жил на Капри у Горького, где учил его математике. В 1916 году вернулся в Россию, работал в международном отделе печати Коминтерна под руководством Карла Радека и был главным редактором журналов «Изобретатель», «Тепло и сила», «Электростанции», «Техническая книга», «Стахановец».

Третий брат деда, Борух Айзенштадт,

изучал медицину за рубежом, прошел всю Первую мировую войну военным врачом. Работал научным сотрудником, публиковал статьи по вопросам здоровья школьников. В 1937 году был арестован по обвинению в «шпионаже в пользу буржуазной Польши», расстрелян через 20 дней и реабилитирован через 20 лет.

Четвертый брат деда, Абрам Айзенштадт, ребенком был отправлен в Израиль. Дожил до 80 лет, стал состоятельным господином, владевшим апельсиновыми плантациями.

Мой дед, Илья Айзенштадт, закончил с золотой медалью гимназию в Петербурге, Школу восточных языков в Палестине по специализации «турецкий и арабский» и Тимирязевскую академию в СССР. Владел 12 языками. Руководил НИИ сельского хозяйства. Вышел из партии в знак протеста против массового голода. Писал доклады за члена ЦК партии по сельскому хозяйству.

Моя бабушка со стороны матери, Ханна Иосифовна Зильберберг, родилась в 1894 году в Люблине (Польша) в семье преподавателя русского языка и математики, одного из первых иудеев, получивших в Польше разрешение преподавать в светских учебных заведениях. Закончила восемь классов гимназии и курсы, что дало право преподавания русского, французского и немецкого языков. Была эвакуирована из Польши в начале Первой мировой войны. Закончила Педагогический институт имени Ленина в Москве, работала учительницей, в начале тридцатых руководила Детским домом имени Толстого, находившимся прямо на Красной площади. Руководила детским садом Института Красной профессуры на Остоженке. Перед Второй мировой войной написала учебник по русскому языку.

— Ощущаешь ли ты себя еврейкой?

— Нет. Но я и русской себя не ощущаю. Считаю, что моя национальность называется «москвичка», хотя я родилась в Муро-

На презентации книги «Испытание смертью»

Олег Тактаров в фильме «Испытание смертью»

В ЦДЛ

В студии

ме, куда отца в свое время по приказу выслали в 24 часа и откуда меня в годовалом возрасте увезли в Москву. Мне всё время говорили:

— Вот, приедешь в Израиль, и «пепел Клааса застучит в твоё сердце». Не застучал.

— Не секрет, что среди ярких активисток феминистского движения издавна было немало евреек: Роза Люксембург, Бетти Фридман, Белла Абзуг. Как ты считаешь, чем определяется такое активное участие представительниц еврейской национальности в революционной борьбе и, в частности, в движении за права женщин?

— Процентно количество евреек в женском движении ничем не отличается от количества женщин других национальностей. В СССР основы прав женщин заложили на четверть финка и на четверть шведка Александра Коллонтай; полубританка-полуфранцуженка Инесса Арманд и чистокровная русская Елена Стасова. Евреек было много в дореволюционных террористических организациях, это объясняется хорошим образованием и отсутствием возможностей для реализации из-за Черты оседлости и принадлежности к женскому полу.

— Ты говорила, что для женщины нашего времени счастье связано, в первую очередь, с социальной активностью. Это результат твоих собственных наблюдений?

— Постиндустриальное общество дает возможности для социальной реализации женщины. И не дает возможности для счастливого патриархального сценария женской жизни. Сегодня ровно половина российского среднего класса — женщины. Наверное, есть женщины, которые бывают счастливы в образе кухонной и детородной машины, но мне такие не встречаются.

— По современным меркам, ты стала мамой рано — в 20 лет. К тому же мамой двух близнецов. Сложно ли было влиться в новую роль?

— Конечно, сложно. По сути, я была совсем ребенком, и ответственность за двух маленьких беспомощных людей была серьезным испытанием. Слава Б-гу, я была «университетским головастиком», и читала о воспитании близнецов всё, что было в библиотеках того времени. Сейчас им почти по пятьдесят лет. И теперь уже они меня воспитывают, а не я их.

— Чем они занимаются?

— Петр по образованию культурный антрополог, занимается проектами, связанными с развитием городов. Он автор и главный редактор популярного в определенной среде сайта «Четвертый Рим».

Павел по образованию клинический психолог, и работает с помощью редкой психотехники — регрессионной терапии.

Для снятия неврозов «отправляет людей просматривать прошлые воплощения». Это популярнейшее направление трансперсональной психологии.

— Твой муж родом из Индии и к тому же принц по происхождению. Как сказывается в совместной жизни разница менталитетов?

— Мой муж уже больше 40 лет живет в нашей стране, и прошел необходимую обкатку. Я не вижу особой разницы между ним и первыми двумя мужьями, разве что человек, выросший с прислужкой, во всех бытовых домашних делах оказывается совершенно криворуким. Но это компенсируется его другими достоинствами. Конечно, есть вещи, которые постоянно приходится объяснять. Например, «кто такой Муму» или что значит «ну, что вам рассказать про Сахалин?» Конечно, как всякому эмигранту, ему трудно в России: утро он начинает с индийских новостей, а вечер заканчивает просмотром старых индийских фильмов на

компьютере.

— Ты увлекаешься буддизмом. Это увлечение родом из юности или виной тому индийский муж?

— Буддизм является для меня не увлечением, а стал лет с семнадцати картиной мира. Огромная часть золотой молодежи моего времени стала буддистами потому, что дзен-буддизм пришел к нам в одном пакете с музыкой «Битлз» и идеалами западной свободы.

— Ты частый гость на телевидении. А в кино ты себя не пробовала?

— Я пару раз сдуру снялась, изображая саму себя. Но надо уважать чужие профессии. Работа киноактера очень сложна технически, непрофессионал не может сделать одинаково 14 дублей и легко пройти озвучку. В моем дипломе Литературного института написано: «драматург театра и кино». Я много писала для театра, однако,

для кино работала только три раза.

Один раз режиссер Надежда Репина экранизировала мою пьесу. Фильм назывался «Мне не забыть, не простить».

В рамках проекта, посвященного великим разведчикам, я написала сценарий фильма «Две жизни полковника Рыбкиной» о писательнице Зое Воскресенской-Рыбкиной, первой в мире женщине — полковнике разведки. В главных ролях снимались Юлия Галкина и Людмила Чурсина.

Вместе с мужем написала сценарий фильма «Испытание смертью» о великом разведчике Алексее Козлове, предотвратившем ядерную войну. В главной роли Олег Тактаров, но это было уже давно в 2010 году.

— Если тебя просят представиться, кем ты называешь себя в первую очередь?

— В данный момент у меня совершенно нет времени консультировать в качестве психоаналитика, я только иногда веду мастер-классы. Общественная деятельность — это просто гражданская позиция и руководство несколькими проектами, так что в основном я писательница. И на клеточном уровне всегда была только ею.

— Как относишься к тому, что тебя часто называют «светской львицей»?

— Никак. Я иногда появляюсь на светских тусовках, чтобы увидеть сразу кучу знакомых в одном месте, и только. Светская львица — это профессия, она означает, что ты идешь и куда тебе надо, и куда тебе не надо. А я из десяти приглашений выбираю одно, потому что и без того сильно занята. Просто фотографам надо зарабатывать деньги в желтых изданиях, отсюда и ощущение, что я не вылезаю из тусовок.

— Пишешь сейчас что-нибудь?

— Мы вместе с мужем написали роман, по нашему сценарию о разведчике Алексее Козлове. В фильм не вошли все собранные материалы, и было бы обидно не реализовать их. Это совершенно удивительный человек, точнее — сверхчеловек. В конце семидесятых приборы засекли ядерные испытания на юге Африки, где царил апартеид, а апартеид с ядерной бомбой был тогда очень серьезной проблемой для планеты. Алексею Козлову, много лет работавшему в ФРГ под легендой западного немца, было поручено найти доказательства испытаний. Он с блеском провел эту спецоперацию, отправил информацию в Центр и был арестован. В течение двух лет его пытали по очереди шесть разведок. Он не сказал ни слова.

Алексей Козлов — единственный человек в истории мировой разведки, который 20 лет работал разведчиком уже после того, как его рассекретили. Блестящим знанием немецкого Алексей Козлов был обязан легендарному учителю Зельману Шмулевичу Щерцовскому, молодому еврею, переплывшему Буг, чтобы спастись от немцев, потерявшему родных в концлагерях и ставшему выдающимся вологодским педагогом.